

Глоток найденного Тигрой пойла принес с собой уже привычную теплоту, эйфорию и избавление от всех негативов. Не забыл Оружейник и саму напарницу, на этот раз она не отказалась.

«Ну, одного собутыльника я уже нашел, — усмехнулся Миха. — Пей, пей, моя Белая Горячка, за наших, и за ваших где-то там», — он кивнул на небо. Чужие звезды холодно молчали.

— Несмотря на свою ядовитую натуру и отвратный вкус, живая вода — вещь! — заключил мужчина вслух и задумчиво прищурился. — Интересно, сколько бы это пойло стоило на Земле? Явно дороже любых «Дом Периньон» или «Макаллан». Да я и не знал, что стану олигархом!

Дальнейший осмотр плоской крыши многого не дал. Так думал стрелок поначалу, пока не обнаружил несколько оборудованных огневых позиций для снайпера, мешки с песком, удобные лежаки, с десятков канистр с бензином рядом, панели солнечных батарей на торце здания и механический подъемник с гусакom и обычной малярной люлькой. Скорей всего, это и был вход выход.

А что, неплохой форпост, пятнадцать метров чистой отвесной бетонной стены без окон или каких других конструкций, облегчающих проникновение, зацепиться совершенно не за что, вход-выход только через подъемник. Тварям даже с учетом их скоростных возможностей и ловкости не забраться, слишком большой вес нажрали, адовы дети. Неплохая крепость получилась. Когда-то было здесь одно слабое место, но теперь и оно завалено напрочь.

Оружейник отвлекся, засмотревшись на своих питомцев. Тигра с мелким нарезали круги по парапету — наверно, решили изобразить электроны и протоны в ускорителе, двигались они неестественно быстро, мелкий и вовсе отрывался по полной, успевая еще выделять различные кувьрки, то перепрыгивая родительницу вдоль и поперек, то проскальзывая под ней. Нужно было парня назвать Бозоном Хиггса* — такого хрен поймашь.

— Тигра, Тень! — позвал улыбающийся Войнов. — Уходим.

Вроде все, ничего не пропустил, и все же нечто удерживало его. Что-то здесь было не так, он упускал что-то важное.

Питомцы уже скрылись за дверью. Оружейник прислушался к себе, пытаясь понять, что же его беспокоит. И наконец осознал: тонкий тревожный запах. Запах смерти, идущий от люльки. Человек в обычной жизни почти не пользуется своим обонянием, за тысячи лет эволюции отвык, так и он еще в полной мере не научился пользоваться своим новым инструментом — обострившимся здесь обонянием. Хотя Михаил сильно сомневался, что приобретенную способность можно обозначить человеческими терминами, это явно было что-то большее. Он вернулся к подъемнику, подтянув, развернув гусак вместе с люлькой, опустил ее на крышу. Дотронулся до основания, и его едва не стошнило от ужаса и ненависти, впитавшихся в эту конструкцию из металла и дерева.

Здесь забили множество людей, именно людей, он буквально слышал перезвон потусторонних колокольчиков, стоны, приглушенные предсмертные крики, проклятья. Видел, будто многократно переписанное видео, эту люльку, заполненную дергающимися людьми, трупами, и кровь, кровь, кровь. Когда пришел в себя, неистово захотелось в душ, смыть, будто грязь, эти страшные ощущения.

Закрыв створки и щелкнув задвижкой, Войнов наконец ощутил уже порядком забытое ощущение незначительной, но все же защищенности.

«Может, я в аду? Узнать бы что-нибудь об этом мире. Может, запись с камер поможет, не зря же их столько понатыкано вокруг».

Первое, что он сделал, добравшись до жилой зоны, — открыл морозильник, леденящие кровь подозрения подтвердились. Огромная холодильная камера была забита человеческими органами в вакуумных упаковках. Михаил отскочил, будто его токомшибануло, даже смотреть на этот агрегат стало мерзко, крышка хлопнула, закрывшись. Отдышался. Он пока не знал, что делать с этим отвратным хранилищем, а вот причастный вакуумный упаковщик, получив очередь, отлетел, фонтанируя своими пластиковыми частями.

— Суки! Нелюди! Кем бы вы ни были, найду и приблю всех на хрен! ! !

Желание отдохнуть развеялось, тут расслабишься, как же. Что-то нервы у Михи были ни к черту, сначала эти твари, теперь и того хуже. Если этот мир не преисподняя, то филиал уж точно!

Таким заведенным он себя давненько не чувствовал, да что там давненько — никогда. Мужчина, потеряв ход времени, в каком-то исступлении перетаскал почти половину деревянных армейских ящиков на крышу, скидывая их за парапет, туда же отправились матрасы и все, что может гореть. Перевернув морозильную камеру, Войнов дрожащими руками складывал страшные мерзлые упаковки в армейские одеяла, над каждой повторяя: «Найду и отомщу, вы собственные кишки сожжете, суки». Перетаскав все наверх и за бордюр, Михаил отобрал несколько почти пустых канистр, добавил в каждую машинного масла, взболтал, не закрывая крышек, сбросил на своеобразный погребальный холм. Подождал немного, сделал небольшой запальный факел из тряпицы и деревяшки, поджег.

— Гори все синим пламенем! — выдохнул стрелок и, стиснув зубы, бросил запальник, понимая, что поступает иррационально. Этот погребальный костер может быть для него опасен, яркий свет выдавал Мишу, но поделаться с собой офицер ничего не мог, он должен был предать это огню, а там что будет, то и будет.

Внизу ухнуло. Загорелось знатно. Через полчаса туда же отправились куски морозильной камеры и вакуумного упаковщика.

Сейф, несмотря на свою солидность, конечно, не без труда, но при помощи горелки, аргона и плазменной дуги вскрылся, будто консервная банка, армейским ножом. Дверь еще немного подержалась и отвалилась, громыхнув о бетонное основание, отчего здание будто тряхнуло.

Оружейник задорно свистнул — успех был оглушительный — и подполз, с любопытством осматривая, на загляденье, ровный посиневший срез, от которого тянуло теплом.

Внутренности сейфа, как будто и не заметили потерю крепостной стены, жили своей жизнью, слегка шумя и перемигиваясь разноцветными светодиодами. И с первого взгляда было понятно — внушительная техника, профессиональная, явно кто-то не поскупился.

На самой большой нижней полке сейфа уместилась бутылка литров на десять и два закрытых пластиковых ведра, остальное пространство занимал элитный алкоголь. С бутылкой, отвинтив крышку, Миха разобрался сразу — живая вода. «Неплохо, надолго хватит», — подбодрил себя он и перебрался к пластиковым ведеркам. В них лежали непонятные зеленоватые то ли плоды, то ли икринки, похожие на виноград. Трогать их и тем более выкидывать Оружейник поостерегся, посчитав: «Раз хранились в сейфе, значит, имеют ценность, деньги вон по полу рассыпаны, а это в сейфе».

На средней полке располагался профессиональный видеосервер с небольшим поднимающимся экраном и выдвижной клавиатурой, под ним — блок дополнительных архивных винчестеров, чуть выше — радиостанция известного японского производителя. Аппараты не из дешевых, в рабочем состоянии.

Войнов подтащил стол вплотную к сейфу, из оставшихся ящиков соорудил что-то наподобие лестницы, взобрался на стол.

«Пожалуй, отсюда я смогу и содержимое винчестеров посмотреть, и эфир послушать».

Закрытой оставалась только верхняя часть сейфа, но с ней никаких сложностей не возникло — ключи беспечно торчали в замочной скважине.

— Ну-с, посмотрим, — потер руки мужчина.

В самом охраняемом и престижном, что ли, месте он обнаружил пластиковый контейнер для бутербродов, наполовину заполненный шариками с горох величиной, словно сделанными из прессованного сахара, с легким фиолетовым оттенком. Еще один подобного размера контейнер был забит полупрозрачными спутанными нитями янтарного цвета. В последнюю очередь Войнов вынул из сейфа самое драгоценное — совсем крошечную шкатулку из золота и самоцветов, с вензелем известного ювелирного дома. В ней покоились пять жемчужин: четыре черных и одна красная. Красивые, блестящие, притягивающие взгляд и странно тяжелые.

Тигра подобралась вплотную к шкатулке и вела себя при этом как-то взволновано, больше, чем обычно, водила носом, топорщила усы, обнюхивая столь необычную добычу. Дальше больше, питомица стала бегать туда-сюда, то прыгнет к руке Оружейника, понюхает, то несется обратно к шкатулке, водит носом, перекатывает жемчужины, будто выбирает. Наконец крыса определилась, выбрав красную, прыгнула к руке Михи, залезла под ладонь, заставив его перевернуть кисть, и только тогда выложила жемчужину на руку. Привстала, посмотрела в глаза, будто призывая к чему то. Разочарованно пискнув, попрыгала обратно к шкатулке и положила около Теня черную жемчужину, мелкий, даже не раздумывая и не принюхиваясь, за одно мгновение умял ее. Еще одну из черных Тигра демонстративно отведала сама, а потом и вовсе начался цирк — то посмотрит в лицо Оружейнику, раздраженно пискнет, то обратно уставится на раскрытую ладонь, где одиноко покоилась жемчужина, мол, давай, Большой, глотай быстрее, задолбал уже своей непонятливостью.

Что ж тут поделаешь, не отставать же от коллектива, Тигре после всего случившегося Михаил верил, как себе. Проглотил жемчужину, прислушался к ощущениям — ничего страшного не произошло, мужчина остался жив, относительно здоров, третья рука не выросла.

Не впечатлившись результатом, Войнов тут же стал думать о другом и вспомнил о своей усталости.

«Завалиться спать здесь же, на столе?»

Тревожила дверь на крышу — случись что, отойти вниз не успеет, но триумвират из приятной деревянной лежанки, рюкзака под головой и теплого одеяла переубедил дергаться и ползти вниз, в бетонную крошку. Положив под руки автоматы, Оружейник заснул.

Разбудила его напарница, интенсивно царапая лапками флягу.

— Понял, понял, встаю, магазин уже открылся, пора опохмелиться, — голова его и правда уже с утра гудела. — Мы с тобой алкоголики, Тигра, — констатировал Оружейник, отхлебнув из

фляги и привычно отлив дозу старшему матросу. — Эх, подруга моя, начальство узнает, спишут нас с тобой с судна, правда, далековато им до нас идти с инспекцией, может статься, и ста парсеков окажется недостаточно. Так что бухаем в полном спокойствии и праве.

После живой воды в животе Войнова предательски заурчало, думы думами, а пожрать бы не помешало. Сухпак изрядно уже поднадоел, так что Оружейник решил приготовить простейшее и всем знакомое блюдо, благо вода, газ и все нужные продукты были в наличии. Видимо, таинство приготовления пищи крыски наблюдали впервые, они даже не носились кругами, как обычно, а застыли немymi неподвижными столбиками, уставившись на булькающий котелок, как на божество какое. Макароны по-флотски, их поразили даже больше, чем шоколадные батончики. Умято было все подчистую, даже котел вылизали до блеска — и куда в них столько влезло?

Остаток дня Миха провел на столе, разбираясь с техникой и просматривая архивы записей, и безрезультатно.

Первую запись с людьми, если можно так сказать о тварях в личинах человеческих, он нашел от тридцатого декабря и с неподдельным интересом и надеждой приступил к просмотру.

Шесть часов утра, в двухъярусных кроватях пятнадцать человек, с виду все как в обычной казарме: притушенный свет, тумбочки, табуретки, из одежды армейская обувь, камуфляжные горки.

Без пятнадцати семь что-то просигналило, один из спавших встал с кровати, отключил будильник. Скорей всего, это и был главарь, потому как над ним, на втором ярусе, никто не спал, а ключ от сейфа болтался на шее. Хотя сразу и не разберешь, шея это или второй подбородок, ключник больше походил на элитную свиноматку: огромный, с множеством складок, под два метра ростом, невероятно пузатый и волосатый.

Донельзя хмурый хряк почесался пятерней, позевал, разлепил глазки-пуговицы и сразу же их захлопнул, еще посидел немного, собираясь с силами. Наконец, издав звук стравливания воздуха компрессором — вроде как вздохнув, образина поднялся и на автомате пошлепал к сейфу. Открыть удалось не сразу, пришлось еще немного проснуться. Уже раздраженный, но еще не совсем отошедший ото сна свин достал бутылку виски, налил полный стакан, опрокинул в себя, как в унитаз, и только после этого окончательно разлепил мелкие гляделки.

С мордой, на которой отчетливо читалось желание кого-нибудь убить, подошел к ближайшей кровати и пнул со знанием дела в прогнувшуюся сеть. Кто-то охнул.

— Подъем, нежить! Цитрамон, паскуда мелкая, кто кого будить должен? Допляшешься ты у меня, долбоеб сказочный, пушу в переработку.

Тщедушный мужичонка с впалой грудью и невероятно выпученными глазами вскочил и начал одеваться, по быстроте облачения он и вправду мог претендовать на титул «сказочный».

— Прости, прости, Ливер, не надо Цитрамона в переработку, он полезный, он верный пес хозяина, завсегда следящий, чтоб главному на его вопрос всегда был правдивый ответ.

Хряк расплылся то ли в улыбке, то ли в оскале, то ли просто хвастался своим поистине впечатляющим жевательным агрегатом, и для остротки заехал слегка в ухо проштрафившемуся.

— Давай-давай, полезный болезный жополиз, пошевеливай мослами, буди бригаду, пересменка уже скоро, а они еще не жравши. Потом поговорим, — плотоядно оскалился Ливер.

— Подъем, потрошители! — фальцетом завопил донельзя напуганный Цитрамон. Свин, зная, на что способен его с утра накрученный подручный, заранее заткнул уши. И верно, при желании подобным ультразвуком можно было и душу от тела отлучить. Зато эффективно, чтобы ты ни делал: спал, не спал или философствовал на горшке — вскочишь и побежишь куда-нибудь за горизонт.

Жилая зона будто взорвалась, кругом раздавались крики, мат, грохот, летели подушки, одеяла, падали кровати, люди метались, как тараканы, вспрыснутые «Дихлофосом», царил полный хаос и паника. Чудо, что не поубивали друг друга.

Ливер, отбежав к сейфу, тряся всем своим жиром, ржал и плакал в полный голос, иногда переходя на глухое бульканье. Несколько раз шумно втянет воздух, и опять, и по кругу, между тем показывая сыгравшему побудку большой палец, мол, зачет и полная реабилитация, а может, и вовсе премия. В конце концов хряк отдышался и заорал своей луженой глоткой:

— Хорош, долборезы гребаные. Замерли! — и как в детской игре все будто примерзло, кому охота Ливера послушаться, это равносильно умереть тут же, и хорошо если сразу. — Даю вам, дети греха и порока, на все про все сорок минут, кто накопорежит, по кускам отправится в этот морозильник и принесет мне прибыль, — и он с толикой обожания похлопал по крышке морозильного шкафа. — Вы меня знаете. Отомри!

За сорок минут все уложились, и оправились, и поели, и оружие свое еще раз проверили.

— Построились, — посмотрев на часы, гаркнул главарь. — Так, хорошо, надеюсь сегодня от вашей работы получить больше, чем в прошлый раз, долги нужно отдавать, а пока вы больше жрете, пьете и боеприпас попусту жжете. Где жемчуг, спрашиваю я вас, где перлы? Вот ваши сменщики уже пяток черных красавиц набили и даже одну красную. Споранов и гороха у них тоже больше. Предупреждаю, если так и дальше будет продолжаться, я лично всем без исключения унылую пластику лица сделаю, навечно, — и Ливер опять похлопал по крышке большого белого холодильного гроба. — Кто из вас, лохов, агрит тварей и на убой водит? — руку поднял долговязый рыжий парень. — Дар? — ткнув пальцем-сосиской, спросил свин.

— Быстрый бег и прыжки, погоняло Тушкан.

— Тушкан, значит, — Ливер ослабил. — Да какого же ты хрена, Тушканище гребаное, одно фуфло на убой гонишь? Побегай по городу, пошуми, рискуй, сучонок, иначе и дальше будешь только постных бегунов да спидеров таскать, на кой хрен они нужны нам, и ты вместе с ними? Внял? — хряк ткнул бедолагу пальцем в грудь. Парня шатнуло.

— Да понял я все, Ливер, постараюсь, — скривившись, потирая ушибленное место, ответил Тушкан.

— То-то, а теперь, сукины дети, марш работать! Удивите меня!

Знало бы это больное на голову и тело воплощение всего дерьма, что может быть в человеке, чем это обернется, — застрелилось бы тут же.

Оружейник с интересом, не отрываясь, смотрел на разыгрываемое, будто фильм про постапокалипсис, многое ему стало понятно, а многое еще больше запуталось.

Эти люди на мониторе больше всего ему напоминали рецидивистов — злые, излишне агрессивные друг к другу, настоящая волчья стая, хотя в среде волков, можно сказать, идиллия и любовь, если сравнить с тем, что Миха видел на записи. Стало понятно, что место, где он оказался, называлось Стиксом, а чудовища имели свою иерархию, видимо, обширную. У всех людей же, как оказалось, здесь были таланты, сверхспособности, дарованные этим миром.

На мониторе появилась пришедшая с крыши смена, уставшие мужики с рыбьими глазами, как роботы, по очереди укладывали свое оружие на длинный стенд около стены. Оружейник, не мог почувствовать запах, но представить — вполне, он еще хорошо помнил резкое въедливое амбре затяжного огнестрельного боя, запах пороховых газов, пота и перегретого оружия.

Ливер сидел за столом, механически кидая кости, с толикой разумного опасения посматривая на спускавшихся с крыши бойцов. Сменившиеся были совсем не тем сбродом, что совсем недавно находился здесь. Эти выглядели, как настоящие матерые хищники, выживавшие в Стиксе не по одному году. Эта их сила и уверенность сквозили во всем: во взглядах, в скупости движений, в не улыбочных лицах. Хладнокровные, жесткие, безжалостные убийцы, в мельчайших деталях знающие свое дело и каким-то боком попавшие в должники к некому Урфин Джусу, главе стаба Лебязьем, отрабатывающие таким экстремальным способом свои долги. Верней, один попал, легендарный Бедовый, а эти лишенцы за него впряглись — дичь безголовая, как недавно охарактеризовал их Ливер, негромко обсуждавший бригаду с Цитрамоном.

— Хозяин, чую нехорошее, будь осторожен, плохие мысли у этих потрошителей, — прошептал подручный хряку. Михаилу пришлось несколько раз перемотать запись, чтобы разобрать слова, и то больше по губам.

К Ливеру за стол, не спросив разрешения, присел альбинос с белой, даже синеватой, как у мертвеца, кожей, почти бесцветными, как две льдинки, глазами и тремя глубокими шрамами, идущими наискось через все лицо.

С виду живой мертвец, ни слова не говоря, постелил серую плотную рогожку на стол, медленно выложив на нее поочередно затвор от «Корда», масленку, свои любимые кукри* и начал любовно чистить промасленной тряпочкой части крупнокалиберной снайперской винтовки.

— Это он что, так меня пугает? — Ливер посмотрел на кукри, и его холодный пот прошиб, ведь могут на дольки порубить, он даже встать не успеет. Постарался взять себя в руки и как можно хладнокровнее поздоровался: — Привет, Жнец! — белоголовый даже не посмотрел в его сторону, просто кивнул. — Как отстрел сегодня? — Жнец снова почти незаметно кивнул.

Хряк, видимо, понимая, что от этого типа мало чего добьется, разве что еще пару кивков или, того хуже, усечение головы, загудел недовольно:

— К Тимофею* Вас всех! Кто докладывать будет? Кто добытое сдавать?

Рядом с невозмутимым Жнецом присел еще один воин.

— Молчун, а ты какого здесь? — спросил явно раздраженный Ливер у присевшего. — Ну, чешешь ты языком во сне отменно, заслушаешься, это не дает тебе право в базар встрывать.

— Значица так, Ливер, — уверенно сказал один из волков. — Парни определились наконец с заместителем Бедового. Меня вот наделили полномочиями.

Молчун выложил на стол добычу, которой было необъяснимо много. Ливер ошалело хлопал

глазками, не понимая, как вообще это возможно.

— Пипец, потные носки мне в рот. Кого ограбили?

Воин, как хороший игрок в покер, сохраняя полную отрешенность, и бровью не повел:

— Здесь двести восемьдесят грамм узелкового янтаря, триста десять споранов, сахарка девяносто две штуки. И еще вот это, — он очень осторожно и медленно, будто что-то чрезвычайно хрупкое, выложил на покрытый лаком центр стола две красных жемчужины.

Все взгляды мгновенно устремились к ним, наступила напряженная тишина, в которой отчетливо раздался чей-то шепот:

— Алое сокровище.

Выждав достойную паузу, Молчун продолжил:

— Сафари выдалось удачным. Похоже, где-то рядом идет Орда, нас цепляют только краем, судя по всему, обходят ЛАЭС. Мы думаем, неназываемых боятся потревожить. Начало смены было отвратным. Поначалу мы загрустили, одни топтуны да кусачи в наличии, никакого профита, задолбались ковырять их и в карьер стаскивать. Ко второй половине дня внизу целая стая низших потребителей собралась, и вправду, настоящие чайки помоечные, как ты их называешь. А за три часа до конца смены, видим — наш загоняющий Ключня, паровоз знатный, за собой двух элитников тянет! — Молчун, хохотнув, указал на кучерявого крепкого парня, мавшегося за спиной. — Сам, как лось на гоне, сквозь бор претя и орет почти так же, талант. Элитники, оба кило под четыреста, за ним в синхроне носорогами мчатся, сосенки по пути срезая, будто и не деревья это вовсе, а обычные одуванчики. Чуть в отдалении еще толпа руберов наяривает, я стою смотрю на них и думаю, мамочка моя родная, роди меня обратно, а то и вовсе не надо. Хорошо два заряженных бронебойными «Корда» стояли на треногах, да еще и в нужном направлении. С тысячи уже начали доставать их, сдерживая. Это и спасло нашего Ключню сохатого.

Суровые мужики, обступившие стол, заржали дружно, похлопывая раскрасневшегося парня.

* Бозон Хиггса — элементарная частица, квант поля Хиггса, с необходимостью возникающая в Стандартной модели физики элементарных частиц вследствие хиггсовского механизма спонтанного нарушения электрослабой симметрии.

* Национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани (то есть это нож с «обратным изгибом»).

* На уголовном жаргоне — исполнитель смертельного приговора.

Глава 6. Урфин Джус и его деревянные солдаты

<http://tl.rulate.ru/book/15403/304853>